

культурной жизни. В этих центрах складывается целая система учреждений культуры: учебные заведения, библиотеки, театр, кинематограф. Но на городских окраинах, в рабочей среде продолжали существовать традиционные народные праздники и пользоваться популярностью «бродячие» цирки, хотя появляются и элементы массовой культуры, к которой мы можем отнести светские праздники. С полной уверенностью можно говорить, что в своем культурном развитии новые индустриальные центры не отставали от старых городов губернии с их богатой культурной историей.

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 21–24; Шелковский В.А. Проблемы развития начального образования в Сибири на страницах периодической печати (1907–1914 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1996. С. 56–57.

² Подсчитано по: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 78, 217, 222, 224, 226, 237.

³ Туев В. В. Клубы Кузбасса // Историческая энциклопедия Кузбасса. С. 325.

⁴ История Кузбасса. Ч. 1–2. Кемерово, 1967. С. 206.

⁵ Муратова Л. Проблемы внешкольного образования в Новониколаевске: строительство Народного дома (начало XX в.) // «Есть Родина твоя...». Новосибирск, 2002. С. 25–27.

⁶ Лащевская В. М. История библиотек в контексте истории Кузбасса // Сельская библиотека и ее роль в сохранении и развитии культурно-исторического наследия Кузбасса. Кемерово, 2001. С. 52; Туев В. В. Указ. соч. С. 326.

⁷ Сибирская жизнь (Томск). 1910. 15 апр.

⁸ Новосибирск. Историко-географический атлас. Москва, 1993. С. 12.

⁹ История Кузбасса. С. 205.

¹⁰ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 174–175.

¹¹ См.: Сибирские письма: Томск (торжество культуры) // Сибирские вопросы. 1910. № 40–41. С. 23–25; Сибирская жизнь (Томск), 1914. 15 марта; Утро Сибири (Томск), 1913. 23 февр.; Афанасьев А.Л. Летопись трезвенного движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1901–1914 гг. // Материалы к хронике общественного движения Сибири 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 179–183.

Н. В. Елизарова

**О пьянстве сибиряков в конце XIX – начале XX века.
(По материалам дореволюционных периодических изданий)**

Одной из самых болезненных проблем, существовавших на территории Западной Сибири, было пьянство населения, которое в конце XIX – начале XX в. распространилось до катастрофических размеров и стало своеобразной формой досуга. «Современный кабак с его грязной и растлевающей обстановкой привлекает массу посетителей, значительная часть которых идет в этот вертеп не только для того, чтобы распить определенную порцию вина... там нередко можно встретить людей совершенно непьющих, просиживающих в кабаке целые часы, – анализировал жизнь обывателей Акмолинской области в 1901 г. корреспондент газеты "Сибирский вестник". – Кабак к себе притягивает не одним вином, нет, кабак служит своего рода клубом для простого и бедного люда»¹. Корреспондент газеты «Енисей» в 1899 г. писал: «Скучна жизнь деревни и бедна развлечениями, а благодаря этой бедности кабак – единственное развлечение деревни»². Подобное времяпровождение имело место, отчасти, ещё и потому, что среди сибирского населения общий уровень культуры, не смотря на различия социального положения, был очень низким.

Не было практически ни одного сословия, которое бы не затронула проблема пьянства. Крестьяне начинали пить с очень раннего возраста, ещё детьми, поскольку все взрослые в их окружении злоупотребляли алкоголем. Об этом отрицательном влиянии на детей упоминает священник Тобольской епархии Стефан Аталыков: «В селе Пыгановском, к сожалению сказать, очень развито пьянство; большие и маленькие в праздничные дни проводят время около кабаков. Первые пьют, а у последних запечатлеваются в молодых сердцах дурные примеры»³. Таким образом, в сознании сибирского крестьянина изначально сформировалась положительная нравственно-этическая позиция относительно дозволенности пьянства. Это было следствием неверных традиций, получивших распространение в деревенской среде, и неверных примеров, ставших юношеству образцом для подражания.

Массовая попойка устраивалась на так называемые съезжие крестьянские праздники. «Вместо того чтобы в праздник ехать в свою приходскую церковь к обедне, или... помолиться дома, начинается с самого утра поголовная попойка, – констатировал священник Иннокентий Литвинцев. – Старые и молодые мужчины и женщины, безобразно пьяные, юноши и взрослые девицы ходят из дома в дом целой вереницей с песнями и под звуки какой-либо деревенской музыки и так проводят время в течение трех и четырех дней, не исключая и ночей. Иные до того заражаются пьянством, что пропивают последнее с себя, несут неми-

лосердному целовальнику последнюю рубаху, а посмотришь: семья голодает, на дворе нет ни клочка сена для скотины, ни полена дров для отопления»⁴. Коллективное пьянство приводило к бытовым конфликтам, которые нередко заканчивались трагическим исходом.

Съезжие праздники приводили крестьянина к полному обнищанию. Ради того, чтобы гостям «поднести на посошок», он вынужден был продавать или закладывать последнее имущество. При этом перспектива прослыть негостеприимным хозяином страшила больше, чем нищета: «С окончанием "съезжего праздника" не стаёт водки не только в домах крестьян, но даже в кабаке: всё выпито. Нужно опохмелиться на проводах родных или знакомых, заезжих из других сёл в деревню, угостить их в последний раз... Тогда являются эксплуататоры из зажиточных крестьян, которые за стакан или два водки покупают любой ценой воз сена, пудовку хлеба, а иной, подчас, гонит последнюю скотину со двора за бесценно, чтобы не обойтись на проводах своих гостей без водки...»⁵. Во время съезжих праздников в каждом приходе Тобольской епархии расходы на выпивку составляли до тысячи рублей.

Пьянство так же способствовало разладу в крестьянских семьях. «Мужу как главе семейства позволяется всё, – писал корреспондент газеты "Жизнь Алтая" в 1912 г. – Он может пьянствовать, проматывать имущество, лишая семью необходимого. Энергично протестующие женщины подвергаются побоям. Разлад и семейная драма неизбежна. Неудивительно, что деревенские бабы быстро вянут и уже в 30 лет выглядят старухами»⁶. Женщин, в свою очередь, тяжёлые бытовые условия и конфликты в семье, так же подталкивали к выпивке. Священник одного из Томских приходов писал об этом так: «И пусть бы столь пагубному пороку предавались люди взрослые, это бы не так было прискорбно, а то ведь упиваются вином до невозможности и люди молодые, и не только мужчины, но и женщины; а что всё хуже и прискорбнее, – очень часто посещают питейный дом даже девицы»⁷.

Помимо супружеских отношений, от пьянства страдали взаимоотношения между отцами и детьми. Так, в деревнях Горного Алтая были известны случаи, когда сыновья лишали своих престарелых родителей куска хлеба и выгоняли из дома, а побои и ругань в их адрес были обычным делом.

Так же пьянство получило распространение среди рабочих. Протоирей А. А. Мисюрев о строителях Томской епархии писал следующее: «Кто имеет непосредственное соприкосновение с рабочими всякого рода, особенно во время ремонта зданий или новой постройки, или другого какого-либо срочного дела в определённый период, когда дорог не только каждый день, можно сказать, каждый даже час, те горько жалуются на пьянство рабочих, зараз после праздников»⁸. Типичным было положение и среди рабочих и мастеровых железнодорожной станции

Омск, расположенной в районе Атаманского хутора. «По улицам Атаманского хутора каждую ночь разгуливают пьяные ватаги», – писала газета "Сибирская жизнь" в 1902 г.⁹ Пьянство рабочих сопровождалось «прогульными днями» (прогулами). При этом среди холостяков прогулы по причине пьянства случались чаще, чем среди женатых, поскольку, они были избавлены от обязанности заботиться о семейном бюджете и могли позволить себе потратить какую угодно сумму на спиртное.

Пьянство рабочих косвенно «стимулировала» высокая заработная плата, которую они получали за свой труд. Это обстоятельство сформировало в них легкомысленное и беспечное отношение к деньгам; «достанется на всё», – так рассуждали рабочие. Во многом пьянству рабочих способствовали сами работодатели, которые снабжали своих работников спиртным из расчёта «от полуведра до семи с половиной вёдер на годового рабочего»¹⁰. Газета «Восточное обозрение» в 1901 г. сообщала по этому поводу следующее: «Каждый рабочий имеет право требовать ежедневно для выпивки по две сотых в счёт зарплаты»¹¹. Зачастую это приводило к тому, что рабочий пропивал большую часть заработка и был вынужден закладывать одежду или отрабатывать свой долг, трудясь бесплатно. При этом нельзя сказать, что среди предстателей рабочего сословия более всего были склонны к пьянству сибиряки. По данным Министерства юстиции, наибольшее количество спиртного в России потреблялось на нефтяных промыслах в Бакинской губернии; там, в среднем, на каждого человека в год приходилось по 10 вёдер водки, 20 вёдер виноградного вина и 15 пива¹².

Злоупотребление алкоголем распространилось так же среди наёмных работников в помещичьих домах. А. А. Мисюрев находил «распущенность прислуги из ряда вон выходящей», поскольку она не ограничивалась пьянством во время общепринятых православных и государственных праздников, а учреждала собственные, которые служили очередным поводом для принятия спиртосодержащей жидкости. Так, среди томской прислуги отмечался «великий кучерский праздник».

Очень было развито пьянство среди инородцев: «Юрты были полны грязи, жители бедны, ленивы, склонны к пьянству и воровству, в религиозном отношении ничем не отличались от некрещёных»¹³. «Инородцы... спились, и благодаря этому обнищали и вымирают. Спирт и водка для них зло большее, чем где бы то ни было», – писала в 1902 г. газета «Сибирский вестник»¹⁴. Ответственность за пьянство аборигенов была возложена на русских. Тобольский историк, краевед Е. В. Кузнецов писал: «До того времени, пока по следам Ермака в Сибирь не явились хозяевами русские, инородческое население ея ни кабаков, ни пагубного продукта последних не знало: между сибирскими татарами русскую водку заменяли свои одуряющие изделия, из которых более распространённым была буза, приготавливаемая из проса, а остяки, самоеды и другие

северные племена употребляли любимый напиток их из мухомора»¹⁵. Приобщение инородцев к спиртному осуществлялось на государственном уровне. Так, в «Книгах винной дачи» содержится информация о том, что XVIII в. ясачным и служилым людям в Сибири во время церковных праздников и на день ангела государя и членов его семьи выдавалось так называемое винное жалованье¹⁶.

Таким образом, у коренных жителей было изначально сформировано неправильное представление о спиртном. Оно воспринималось как награда, богоугодное дело, милость от государя. Кроме того, сыграло свою роль взаимодействие инородцев с русскими, которые перенимали от них привычки, копировали образ жизни. Стремление русских каждую свою работу завершать выпивкой («обмывать») постепенно передалось коренным жителям. Так инородцы были приучены русскими после сбора урожая устраивать коллективную пьянку, чтобы отблагодарить за «помочи» (помощь во время жатвы). «Помочи – изобретение чисто русское, – писал миссионер Алтайской духовной миссии Черно-Ануйского отделения Филарет Синьковский. – Кроме нравственного безобразия в следствие неизбежной попойки, помочи эти для инородцев не представляли экономического расчёта, так как вместо пива собственного изделия, инородцы должны были покупать ведро или полтора кабацкого пива, стоящего 6–9 р.»¹⁷.

Однако проблема пьянства была актуальна не только для людей с низким социальным статусом и интеллектуальным уровнем, пьянство затрагивало и высшие слои общества, социальную элиту.

Пристрастием к кутежам отличалось купечество. Имея на руках огромные суммы денег, купцы устраивали грандиозные загулы: «Подвыпившие купчики били зеркала в ресторанах, лезли сапогами в ванну из шампанского, с гиком и свистом на бешенных тройках давили людей на улицах города, а по ночам ездили в соседние деревни Захламино и Черёмушкино, где устраивали оргии и избивали местных крестьян»¹⁸.

Мелкие служащие так же были подвержены пьянству, к которому их, по мнению статистика Е. Н. Анучина, побуждало угнетённое и забытое положение, когда человек не видит в своём будущем ничего отрадного, кроме однообразной, рутинной работы¹⁹.

Не отставали от местных чиновников и военные: «Полицмейстер ездил по городу не иначе, как с бутылкой шампанского в руках и двумя трубачами на крыльях дрожек, причём трубачи трубили на весь город, в знак того, что полицмейстер веселится. Тогдашние власти собирались несколько раз в лето в здешний городской сад, известный под именем прокурорского, или палатку полкового командира, в первом случае, когда пиршество происходило в саду, то запирались с большим запасом вина и женщин в многочисленных гроты, нарочно для этого устроенные, и не выходили оттуда неделями, между тем музыканты, разумеется, ме-

няясь, не умолкали не день ни ночь. То же самое делалось и в палатке полкового командира, с тою разницею, что к увеселениям прибавлялись военные забавы, то есть стрельба из ружей и пушек»²⁰.

Стоит отметить, что пьянство военных отчасти «поощрялось» государством, поскольку существовало правило бесплатной выдачи для них казённой водки. В газете «Биржевые ведомости» за 1899 г. был определён так называемый «порядок выдачи чарки», который предусматривал следующее: «Нижних чинов роты выстраивают, старший из присутствующих пьёт за здоровье части или лица, которое в данный день чествуется, затем нижних чинов по команде поворачивают к стороне... из флагов и ведут рядами... к столу с чашею, в которую налита водка... Люди подходят последовательно один за другим, выпивают свою порцию водки и отходят от стола, становятся снова в строй для отвода их в казармы»²¹.

Проблема пьянства была так же актуальна и для священнослужителей. Своеобразный «моральный декаданс», который переживало духовенство, сказывался на отношении к нему прихожан. Престиж священнослужителей в обществе падал. Участились случаи, когда прихожане требовали отстранения пьющих пастырей от должности. Так, священник села Кругоозёрское Томской епархии Иван Покровский был переведён в другое село, поскольку «многие прихожане в церкви жаловались на его нетрезвое поведение, неисправность в совершении треб и просили вывести его от них»²². А в Барнаульское духовное правление был направлен донос земского исправника о священнике, явившемся для увещевания подсудимого в пьяном виде²³. Были известны случаи, когда священники, находясь в нетрезвом состоянии, избивали прихожан и дрались между собой. Если сделать соотношение между священнослужителями Западной Сибири, подверженными алкогольной зависимости, то наиболее неблагоприятной была ситуация на Алтае. Так, в Барнаульское духовное правление в конце XIX – начале XX в. регулярно поступают указы Правительства из Тобольской духовной консистории, касающиеся «пьяных безобразий священнослужителей при совершении церковных обрядов»²⁴. Обилие распорядительной документации свидетельствует о том, что пьянство среди священников было систематическим, а не замыкалось на единичных случаях. Барнаульское духовное правление пыталось воздействовать на пьющих батюшек, применяя к ним штрафные санкции. Так, священник села Верхне-Ичинское Томской епархии Михаил Жигачёв за то, что «часто придаётся нетрезвости» был оштрафован на 3 руб. в пользу Попечительства²⁵. Но подобная практика не была эффективной, поскольку наблюдался не спад, а увеличение следственных дел о пьянстве и «неправедных действий» священников, которые вело Барнаульское духовное правление. К священнослужителям, «неподобающее поведение» которые было замечено недавно, при-

менялись более мягкие меры. Они, например, писали расписки, в которых заверяли вышестоящее начальство в том, что подобные действия не повторятся. Образцом такой бумаги была расписка пономаря Матфея, служащего в приходе Барнаульских Ползуновских заводов, который написал, что «обязуется... впредь жизнь свою вести добропорядочно, и с благопристойностию сходственно; не пьянствовать, не картёжничать, и без дозволения... у кружки денег не вынимать и самовольно не брать, и одеяние своё в карты не проигрывать»²⁶. Идентичная расписка поступила 19 мая 1899 г. в Томскую духовную консисторию от дьякона 22 благочиния Зюзинского села Каинского уезда Александра Мальцева, который давал обещание следующего содержания: «Обязуюсь никогда впредь не употреблять никаких спиртных напитков, как-то: водки, вина и пива, в чём я, запрещённый диакон Александр Мальцев и подписуюсь»²⁷.

Итак, в конце XIX – начале XX в. в Западной Сибири были подвержены пьянству все социальные слои населения. Злоупотребление алкоголем получило распространение в двух вариантах: регулярный (ежедневный) приём спиртных напитков; эпизодический приём алкоголя (по праздникам, в связи с каким-либо важным семейным событием – рождением ребёнка, свадьбой, похоронами и т. п., после окончания производственных или сельскохозяйственных работ).

Основными причинами пьянства сибирского населения были: 1) Специфичность региона, долгое время являвшегося местом каторги и ссылки; 2) Отсутствие возможностей для культурного проведения досуга, чему способствовали две причины. Во-первых, негативную роль играла удалённость региона от культурных центров. Во-вторых, капиталистические отношения в рассматриваемый период ещё не распространились на досуговую сферу и не сделали её предметом коммерции, для которой характерно приобщение масс к различным видам культурных мероприятий с целью получения прибыли; именно по этой причине общественные развлечения сибирского населения отличались крайней примитивностью. Поэтому все виды проведения свободного времени у сибиряков в большинстве случаев были связаны с питейными заведениями. В кабаках сибирский обыватель удовлетворял потребность в общении, развлечении и отдыхе; 3) Наличие большого количества питейных заведений; 4) Пьянство среди сибиряков также во многом было обусловлено стойким влиянием алкогольных традиций микросоциальной среды, к которой они принадлежали; 5) Бедственное экономическое положение, тяжёлые условия труда и бытовая неустроенность большинства жителей Западной Сибири, вынуждающие их прибегать к спиртному в качестве компенсаторного средства.

Злоупотребление спиртным приводило сибирского обывателя к духовному и материальному обнищанию, провоцировало рост преступлений, увеличивало смертность.

Попыткой ограждения сибиряков от пагубных пристрастий стало создание Обществ попечительства о народной трезвости. Деятельность попечительств была направлена на устройство столовых и чайных, организацию народных гуляний, спектаклей, ночлежных домов и приютов. К борьбе с народным пьянством активно подключилось православное духовенство, которое стало создавать так называемые общества трезвости – духовно-просветительные объединения, члены которых пропагандировали трезвый образ жизни. Они образовывались при Епархиальных Братствах, в своём составе имели городские и сельские отделения. В работу общества трезвости входило несколько направлений: создание и распространение печатной продукции для широких слоёв населения, содержанием которой служили рассуждения о пользе трезвости, сопровождающиеся назидательными примерами из народной жизни, организация устных бесед и чтений о вреде пьянства, открытие библиотек и читален, устройство духовных концертов, создание школ трезвости. Реализация этих мероприятий способствовала не только распространению антиалкогольных настроений, но и представляла собой попытку упорядочить времяпровождение сибиряков и организовать их досуг, что уже само по себе являлось действием по устранению одной из важнейших причин пьянства. Заслуга духовенства была так же велика в деле ограждения здоровья подрастающего поколения от спиртного. Таким образом, можно считать, что дореволюционным борцам за трезвость хоть и не удалось ликвидировать проблему пьянства в западносибирском регионе, но, бесспорно, удалось противопоставить безнравственным наклонностям сибирского населения идею о трезвой жизни, которая важна и с точки зрения профилактики пьянства и с точки зрения реабилитации его последствий.

¹ Акмолинская область // Сибир. вестн. 1901. № 97. 5 мая.

² ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 59. Т. 3. Л. 2.

³ Аталыков С. Воскресные и праздничные внебогослужебные чтения в селе Пыгановском // Тобол. епарх. ведомости. 1896. № 3. С. 57.

⁴ Литвинцев И. О съезжих крестьянских праздниках // Тобол. епарх. ведомости. 1887. № 17. С. 358.

⁵ Там же. С. 359.

⁶ Упадок нравов в сибирской деревне // Жизнь Алтая. 1912. № 72. 10 апр.

⁷ Поучение к сельским прихожанам о пагубных воздействиях пьянства // Том. епарх. ведомости. 1880. № 10. С. 205.

⁸ Мисюрев А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск, 1897. С. 68.

- ⁹ Атаманский хутор станции Омск // Сибир. жизнь. 1902. №230. 26 окт.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 59. Т. 3. Л. 14.
- ¹¹ С приисков // Восточное обозрение. 1901. № 239. 31 окт.
- ¹² ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 59. Т. 3. Л. 251.
- ¹³ ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 125.
- ¹⁴ Винная монополия и сибирские инородцы // Сибир. вестн. 1902. № 161. 27 июля.
- ¹⁵ Кузнецов Е. В. Первые казаки в Сибири // Тобол. губерн. ведомости. 1890. С. 28.
- ¹⁶ Раев Д. В. Кружечные двory городов Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII вв.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 12.
- ¹⁷ Записки Алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876–1881 гг. М., 1883. С. 64.
- ¹⁸ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 318.
- ¹⁹ Анучин. Е. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 329.
- ²⁰ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта... С. 319.
- ²¹ Воспитательная роль военных // Биржевые ведомости. 1899. № 25. 22 февр.
- ²² Определения Св. Синода от 16–20–30 июля 1880 г. за №№ 1, 497 // Том. епарх. ведомости. 1880. № 9. С. 47–48.
- ²³ ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1023. Л. 127.
- ²⁴ Там же. Д. 11–12.
- ²⁵ Определения Св. Синода от 16–20–30 июля 1880 г. №№ 1, 497 // Том. епарх. ведомости. 1880. № 9. С. 47–48.
- ²⁶ ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 424. Л. 2.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 11. Л. 133.

Н. В. Сметнева

Производство алкогольной продукции в Прибайкалье в первой трети XX века

Первая треть XX в. в истории винокуренной промышленности России неразрывно связана с введением, действием, падением и новым введением государственной винной монополии.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова объясняет монополию как исключительное право на производство или продажу чего-нибудь, а также исключительное пользование чем-нибудь. В случае первой монополии исключительное право распространялось только на торговлю алкогольной продукцией. Монополия была не полной. В случае второй государственная монополия была абсолютной.

В Восточной Сибири винная монополия вводилась с 1 июля 1904 г. Сущность «Положения о казенной продаже питей» сводилась к следующему. Винокурение находилось, как и прежде, в распоряжении частных заводчиков, но развитие производства на заводах ставилось под контроль высшей администрации. Делами монополии в Иркутской губернии занималось Акцизное управление Восточной Сибири. Продажа спирта, вина и водочных изделий являлась исключительным правом казны. Торговля производилась либо казенными заведениями, либо заведениями, принадлежащими частным лицам, получившим специальные разрешения.

После введения государственной винной монополии в водочном и спиртоочистительном производствах произошли значительные изменения. По Положению о казенной продаже питей, утвержденному Николаем II в 1894 г., очистка спирта и изготовление водки могло производиться на частных водочных и спиртоочистительных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Часть спирта очищалась в ректификационных отделениях винокуренных заводов. В то же время в губерниях открывались казенные винные склады, при которых организовывались ректификационные отделения. Эти склады, по сути, были казенными водочными заводами. Таким образом, водочное и спиртоочистительное производство разделилось на частное, работавшее под наблюдением казны, и казенное.

Перед введением казенной винной монополии в Прибайкалье действовало три частных водочных завода. Введение монополии открывало перед ними всего два пути: либо заводы получали разрешение Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей и государственные заказы на изготовление водок и очистку спирта (при этом вся произведенная продукция реализовывалась через казенные лавки), либо закрывались.

В 1904 г. в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей обратился владелец иркутского водочного завода отставной коллежский секретарь Яков Комаров с просьбой разрешить ему с 1 июля 1904 г. производство водочных изделий и торговлю ими на комиссионных началах. К прошению прилагался прејскурант, в котором указывались названия напитков, которые предполагалось производить на заводе (ликеры, наливки, сладкие и горькие водки, коньяки, бальзамы), высшая и низшая крепость напитков, предполагаемые цены (с правом увеличивать цены). Спирт для производства Комаров обязался покупать казенный по цене Министерства финансов¹. Главное управление неокладных сборов разрешило Комарову производство крепких спиртных напитков, однако в 1904 г. завод открыт не был из-за проблем доставки необходимого сырья и материалов в условиях войны. В 1906 г. Комарову было дано повторное разрешение на открытие производства, но завод так и